

| ПАЙДЕЯ |

«БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ»: О БУДУЩЕМ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Разговор с Хансом Ульрихом Гумбрехтом об истории гуманитаристики, «рискованном мышлении», меморандуме Гумбольдта, и многом другом, без чего трудно понять причины современного кризиса в сфере высшего образования

О кризисе в гуманитаристике

«В тот момент, когда гуманитаристика утверждает себя в качестве гуманитарной науки (как *Geisteswissenschaften*), она сталкивается с двойной травмой»

Говоря о гуманитаристике, я хотел бы уточнить, что в ее зарождении можно выделить два начала. Одно из них — это появление нескольких дисциплин в девятнадцатом веке (и германистика, пожалуй, была первой из них), которые определяют себя как совершенно новые, ранее не представленные в университете науки. Конечно, мы помним, что философия существовала, начиная с пятого или четвертого века до нашей эры, а на протяжении всей истории люди об-

суждали литературу (и можно с некоторыми оговорками признать «Поэтику» Аристотеля первой литературной критикой и т. д.), но я думаю, что имеет смысл говорить о гуманитаристике только в качестве институциональной структуры. И в качестве таковой, у гуманитаристики было два начала. Одним из них является уже упомянутое появление ряда дисциплин в начале девятнадцатого века в Европе; однако в этот период новые дисциплины не заявляют о себе как о гуманитаристике в строгом значении этого слова, поскольку они никоим образом не отделяют себя от традиционных наук. До конца девятнадцатого века они функционировали крайне успешно, и я называю этот период «счастливым веком гуманитаристики». Но это гуманитаристика так сказать *avant la lettre*, поскольку самого слова «гуманитаристика» еще не существовало. И тогда в качестве второго начала можно назвать момент, когда в конце девятнадцатого века Вильгельм Дильтей, будучи деканом в университете Гумбольдта, предложил создать новый кластер знания, назвав его «науками о духе» (*Geisteswissenschaften*).

В тот момент, когда гуманитаристика утверждает себя в качестве гуманитарной науки (как *Geisteswissenschaften*), она сталкивается с двойной травмой. Первая травма — это конкуренция с традиционными науками: гуманитаристика должна постоянно доказывать, что она так же создает нечто «реальное» (чем бы это «реальное» не являлось). И частично реакцией на эту травму объясняется желание гуманитаристики быть политически значимой (поскольку гуманитарии не изобретают автомобили или самолеты, они хотят влиять на политику). Но, с другой стороны, поскольку сама эта функция — определять нормативный горизонт для общества — утратила доверие, они должны постоянно задаваться вопросом: «О чем на самом деле мы говорим?» Демонстрация способности производить что-то реальное и постоянная необходимость гуманитаристики уточнять ответ на вопрос «о чем на самом деле мы говорим?» — и являются ее двойной травмой. Например, в русском формализме, как в первой действительно фундаментальной литературной теории, его представители пытались определить, что такое литература, с одной стороны, и — с другой — что возможно сделать с теми открытиями, которые совершаются в сфере литературной критики. И оба вопроса остались неразрешенными.

«В течение всего двадцатого века гуманитарные науки в значительной степени сохранились именно благодаря неустанным разговорам о собственном кризисе»

Поэтому я считаю, что в течение всего двадцатого века гуманитарные науки в значительной степени сохранились именно благодаря неустанным разговорам о собственном кризисе. Это стало специализацией; некоторые профессора — теперь специалисты в области «кризиса гуманитарных наук» (*смеется*). Затем, во второй половине двадцатого века происходит массовый рост теорий в области гуманитаристики. Он начинается со структурализма, лингвистики, затем появляется неомарксизм и неофрейдизм, а после деконструкция, неохисторизм, теории идентичности и так далее. И вдруг этот быстрый рост новых теорий сходит на нет. Начиная с конца двадцатого века, у нас не было значительных изменений парадигмы. Я не говорю об отсутствии качества — может быть, сегодня качество немного выше, чем двадцать или двадцать пять лет назад; но такие дебаты — как, например, те, что шли вокруг деконструкции и имели определенный резонанс за пределами гуманитарных наук (и пусть люди отзывались в основном критически, но по крайней мере они знали, что гуманитарная мысль жива (*смеется*)) — вдруг прекратились. И это одна из причин, почему я считаю, что кризис сегодня глубже. Видимая производительность (я не говорю, что реальная производительность), но эта социально видимая производительность явно упала.

«Заставить себя представить саму возможность исчезновения гуманитаристики является необходимым, хотя и недостаточным условием для ее выживания»

По этим и некоторым другим причинам, я считаю, что кризис, который мы наблюдаем сегодня, гораздо серьезнее; но, как я уже отметил, существует иная опасность (я, конечно, шутил, но также хочу сказать об этом серьезно): говорить о кризисе для гуманитаристики стало способом выживания и, следовательно, существует риск, что из-за этого можно проглядеть опасность нынешней ситуации. Я думаю, что если гуманитаристика не отнесется к этому кризису серьезно, если она не научится представлять, что мир может существовать без гуманитарных наук, то они действительно могут исчезнуть. Я имею в виду (и это отправная точка для меня), что мир, несомненно, продолжится без гуманитарных наук. Существование гуманитарных наук — это довольно странное явление: только подумайте — люди зарабатывают себе на жизнь, говоря о литературе. Также существуют целые культуры, где никогда не существовало гуманитаристики. Ее никогда не существовало, например, в Африке, и что интересно — по-настоящему ее никогда не существовало в Азии. Да,

у них есть гуманитарные факультеты, но на самом деле они занимаются там изучением языков (факультет литературы в Токио, например, изучает язык). Если бы гуманитарные науки исчезли — это не был бы конец света. Конечно, изнутри гуманитарных наук, кажется, что человечество не выживет без них. Нет, оно спокойно может обойтись без них. Я говорю это, не потому, что я хочу, чтобы гуманитаристика исчезла. И на самом деле, я думаю, что было бы очень печально, если бы она исчезла. Но заставить себя представить саму возможность исчезновения гуманитаристики является необходимым, хотя и недостаточным условием для ее выживания.

Представим, что я сижу в самолете, и люди, которые сидят со мной рядом, вдруг видят, что я беру папку со своими наработками, на которой они замечают надпись «Стэнфорд». И, поскольку Стэнфорд у всех на слуху, они спрашивают меня, чем я там занимаюсь. Обычно я говорю, что я занимаюсь философией: потому что, если я скажу, что я занимаюсь литературой, это вызовет еще большее недоразумение, ведь они подумают, что я пишу литературу. Или если вы скажете им, что занимаетесь музыкой, они подумают, что вы музыкант. Даже относительно интеллигентные люди, в том смысле, что у них есть какое-то образование, не понимают, чем именно занимается гуманитаристика. Есть люди, которые любят литературу, любят музыку, любят искусство и ходят в музеи. Они не занимаются философией, но они скажут: «О, да, философия должна существовать». Это гротеск. Но я думаю, важно иметь в виду, что даже 10% живущих сегодня людей, которых мы можем назвать образованными, в случае, если завтра по каким-то причинам гуманитаристика исчезнет, просто узнают об этом из газет: да, пара миллионов человек — без работы, но я боюсь, что лично они от этого ничего не потеряют.

О роли гуманитариев

Говоря о кризисе, которому на сегодня уже около ста лет, гуманитаристика всегда преподносила себя в качестве института, который может выдавать высококлассные ответы. То, что гуманитарные науки так активно подчеркивают свою политическую значимость, связано с родовой травмой потери реальности. С того момента, когда они отделились от традиционных наук, гуманитарные науки стали чем-то эфемерным, чем-то, что не имеет реальной связи с повседневностью. Но я не уверен, что мы в состоянии дать хорошие ответы на политические вопросы; я думаю, даже наоборот: когда интеллектуалы занимаются политикой, то, как правило, это ужасно (*смеется*).

«Гуманитаристика, кажется, превратилась в “болото обид и недовольства”»

Так что же гуманитарии действительно могут предложить обществу? Одним из общих мест было «критическое мышление», но что это значит — «критическое»? Я считаю опасным традиционное понимание «критического» как обязательно «негативного»: говорить «нет» на то, «нет» на это, «нет» — на все. В былые времена, чтобы слыть интеллектуалом, вы должны были вести безрадостную жизнь, ходить в Birkenstocks, не носить лифчик и не выглядеть опрятно; в конечном счете, сегодня все это имеет последствия для гуманитарных наук. В моей недавней лекции в Кембридже я сказал — и весь зал зааплодировал в ответ — что гуманитаристика, кажется, превратилась в «болото обид и недовольства». Все гуманитарии чувствуют, что а) они зарабатывают недостаточно и б) обществу наплевать на них. Таким образом, мы получаем огромную обиду. И я думаю, что в этом кроется большая опасность, поскольку, когда к нам приходят новые студенты, мы чувствуем (хоть мы и не говорим этого), что наша обязанность — сделать их такими же обиженными и недовольными (*смеется*). Чем более обиженными и недовольными они становятся, тем более успешными и популярными становимся мы как преподаватели. Делать вид, что у нас есть ответы, обучать людей недовольству — это явно не похоже на выход из кризиса. Но что же тогда мы можем предложить?

«Как говорил Луман: социальные институты, как правило, служат для упрощения — и это хорошо: так же, как, например, правила дорожного движения упрощают движение на дороге. Гуманитарные науки в этом отличаются — они хороши в усложнении»

Мой ответ — это концепция «рискованного мышления». Как говорил Луман: социальные институты, как правило, служат для *упрощения* — и это хорошо: так же, как, например, правила дорожного движения упрощают движение на дороге. Гуманитарные науки в этом отличаются — они хороши в *усложнении*. Очень по-американски можно сказать, что (и это любит повторять Хеннеси¹⁾) гуманитарии по определению имеют возможность думать вне рамок («think outside

¹ Нынешний ректор Стенфорда — Джон Хеннеси (*прим. перев.*).

the box»), заставить мир казаться сложнее: сложнее *не* чем он есть, но чем он кажется на первый взгляд. Так почему я называю это «рискованным» мышлением? Я называю это «рискованным мышлением», потому что мы не можем практиковать это в повседневной жизни. Здесь будет уместно вернуться к метафоре светофора: в какой-то момент обучения неплохо рассказать своим ученикам, что нет никакой естественной причины останавливаться на красный и ехать на зеленый; что это совершенно произвольно. Университет является местом, где это должно происходить, и гуманитаристика хороша именно в этом. Но если вы попытаетесь практиковать это за пределами университета — это станет опасным. Я называю это «рискованным мышлением», потому как думаю, что должно быть одно место в обществе, образовательное место, где создается более сложная картина мира, сохраняющая возможности для альтернативной точки зрения. Но не надо путать это с четким предписанием: «это то, что общество должно сделать», «каждый сам должен решить для себя, останавливаться или ехать на красный свет». Конечно, нет. Вот почему я думаю, что так называемая «башня из слоновой кости», изоляция университета от повседневной жизни, это не так уж плохо. Это неплохо, потому что такая изоляция и есть условие для существования гуманитарных наук.

Мой любимый пример — это история об одной лекции Деррида. Когда Деррида первый раз приехал в Германию — так вышло, что это было в моем университете в Зигене. В это время в Германии был кризис Хайдеггера. Впрочем, как это обычно бывает, каждый год в Германии обнаруживают, что Хайдеггер был нацистом (*смеется*). Это был 1988 и они в очередной раз обнаружили, что он был нацистом. Деррида же говорил о Хайдеггере как о величайшем философе двадцатого века, но затем студент прервал его словами: «Разве Вы не знаете, что Хайдеггер был нацистом?» Деррида ответил: «Mon cher ami, конечно, я знаю, однако это неинтересный вопрос. Это факт. Интересен другой вопрос: мог ли он быть величайшим философом двадцатого века, не будучи нацистом?» Он не имел в виду, что ответ обязательно должен быть: «Нет, он должен был быть нацистом» (и я очень надеюсь, что на самом деле ответ: «Да, он, может быть, был бы даже лучшим философом, не будучи нацистом»). Но в этой истории важно то, что существует одно место в обществе, где вы можете задать даже такой вопрос. Я думаю, что именно в этом заключается вклад гуманитаристики без соскальзывания в «болото обид и недовольства».

Об информации

Я думаю, что в целом количество идеологий, которые навязываются людям, и которым люди обязаны следовать, уменьшилось; иначе говоря, установки, каким образом люди должны думать, сегодня намного слабее, чем во времена холодной войны. Например, в большинстве стран, вы можете открыто быть геем или верить в странные вещи и утверждать их, и никто не посадит вас из-за этого в тюрьму. С этой точки зрения, очевиден прогресс, но в определенном смысле идеология была вытеснена (и это для меня отрицательное понятие) концептом «информация». Нужно помнить, что, у всего, что вы получаете из Интернета или берете в качестве информации, — есть не только то, что лингвисты называют «пропозициональным содержанием», но и определенная точка зрения, которую люди зачастую не замечают. Я бы хотел избежать слова «критический», потому что оно всегда подразумевает нечто относящееся к левому дискурсу, но люди «ведутся» на информацию и не понимают, что у них очень часто есть индивидуальная возможность реагировать на нее, возможность подумать о ней — и каким-то образом позиционировать себя по отношению к ней. В этом смысле я не буду утверждать, что информация заменила идеологию; информация — это другое дело, но она является средством или диспозитивом, как сказал бы Фуко, который мешает людям в принятии индивидуальных решений. Информация может быть даже более опасна, чем идеология в этом смысле, поскольку она представляет себя как нейтральное, неангажированное воспроизведение фактов.

О недостатке интенсивности

Для меня глобальную опасность несет «нормализация» жизни общества, которая сопровождается отсутствием в ней интенсивности. Жизнь во многих отношениях стала лучше, чем была раньше. Объективно: люди работают меньше часов и преимущественно в более выгодных условиях. Для меня, 67-летнего человека, интересно, что, когда наступает Рождество, ужасно трудно найти подарки. В былые времена, когда я был ребенком, вы получали белую рубашку на Рождество, а потом, когда вам исполнялось пятнадцать, вам дарили фотоаппарат. Сегодня, если вы хотите фотоаппарат — вы просто идете и покупаете его. Люди действительно находятся в лучшем положении, но я думаю, что в их жизни совсем нет интенсивности. Как доказательство, я могу привести пример: на прошлой неделе я был

в Tate Modern и наблюдал, как люди спешат через музей с мобильными телефонами в руках и фотографируют каждое изображение; увидеть кого-то стоящим перед картиной, кого-то, кто внимательно рассматривает изображение, будучи впечатлен им — теперь большая редкость.

«Я думаю, что в нынешней ситуации [скуки в жизни современного человека] есть хорошая возможность для гуманитаристики: она может вмешаться и внести свой вклад, сделав жизнь людей более интенсивной»

Я не уверен (вполне возможно, что это просто мой возраст говорит во мне), но вот что интересно: если вы посмотрите на литературу, например, то окажется, что последний текст, который непреодолимо манил читателей (я имею в виду, нечто грандиозное, как Джойс), вероятно была «Сто лет одиночества» Маркеса. Современная литература отнюдь не плохая, но то, что производится в настоящее время, производится на запрос потребителя. Для меня в глобальном мире, под которым я понимаю: Северную Америку, в том числе Канаду, конечно, Европу и значительную часть Азии, но также это все более чувствуется и в Южной Америке, — происходит постепенная нормализация, которая, на мой взгляд, приводит к ухудшению качества жизни. Можно сказать, что по иронии судьбы, такая жизнь больше похожа на жизнь животную. И я думаю, что в этой ситуации есть хорошая возможность для гуманитаристики: она может вмешаться и внести свой вклад, сделав жизнь людей более интенсивной. Интенсивной не в плане развязывания войны или чего-то подобного, и не в плане поучений типа: «Вы должны быть фрустрированы, вы должны быть негативны или критически настроены», а такой, что позволит людям быть в восторге от чего-то. Вы читаете текст Гельдерлина или Джойса, или кого-то еще, и вы можете заставить людей почувствовать тот огромный потенциал напряженности разрыва в их жизни (не то чтобы вы жили какой-то другой жизнью в этот момент), но именно разрыва, присутствующего в этой реальности.

О личной роли

Если вы преподаете в таком месте, как Стэнфорд, вы надеетесь, что (позвольте мне использовать метафору из социологии) выполняете «функцию привратника» (“a gatekeeping function”). Сколько студентов-гуманитариев услышит меня в Стэнфорде за год? Приблизитель-

но сотня в обычный год. Это немного, учитывая общее количество населения. Но вы, если находитесь в Стэнфорде, надеетесь, что эти студенты будут выполнять регулирующие функции. *Если вам повезет*, вы можете учить будущего президента Соединенных Штатов. *Как правило*, вы учите людей, которые будут очень важными лицами в промышленности, технологиях и так далее. И вы будете учить большое количество людей на уровне докторантуры, эти люди будут преподавать в аналогичных учреждениях в будущем.

«Был момент, может быть, лет пятнадцать или двадцать назад, когда я сознательно перестал задаваться вопросом: «Что ждет от меня университет?»

В данный момент моей карьеры я наслаждаюсь крайней степенью свободы. До тех пор — пока я не прихожу в класс и не начинаю снимать свою одежду и танцевать, или говорить, что я хочу учить кого-то химии, или что-то в этом роде — я могу делать все, что я хочу. Был момент, может быть, лет пятнадцать или двадцать назад, когда я сознательно перестал задаваться вопросом: «Что ждет от меня университет?» Я действительно делаю то, что я люблю делать, и надеюсь «заразить» этим больше людей, чтобы они не становились обиженными и недовольными, а занимались тем, к чему у них лежит сердце.

Моя жена иногда говорит мне: «Да, люди должны платить тебе хорошо за лекции, потому что это УВЛЕКАТЕЛЬНО». Я упоминаю об этом, так как считаю, что мы [профессора гуманитарных дисциплин], возможно, больше всего похожи на артистов (performing artist): на тех, кто хорошо играет на инструменте, на певцов или актеров. Мы не то же самое; но, хоть мы и согласились ранее с возможностью исчезновения гуманитарных наук, без них — определенно — был бы гораздо более скучный мир. Очень интересно наблюдать, как люди планируют свои выходные. У них есть бесконечность возможностей, и большинство этих возможностей — абсолютно великолепно. Но потом они идут туда, куда запланировали, и им не нравится. В спорте это наиболее заметно: билеты стоят дороже, чем когда-либо, стадионы забиты полней, чем когда-либо, но люди уходят сразу после перерыва. Я не думаю, что это имеет непосредственное отношение к самой игре: вы идете туда и, поскольку большую часть вашего внимания занимает общение в Интернете и просмотр новостных лент в соцсетях, вы просто не способны «включиться» в эту игру. Я хочу сказать, что если гуманитарные науки могут чему-то научить людей, то это именно интенсивности.

Об университете и его будущем

Я хотел бы вернуться к меморандуму Гумбольдта «О внутренней и внешней организации научных учреждений в Берлине», написанному в 1809 году, но опубликованному намного позже. Там Гумбольдт говорит, что университет является *исключительно* местом производства новых знаний. Затем он утверждает, что передача знаний должна происходить только в гимназии. Он продолжает, спрашивая себя, почему университет производит новые знания, и в качестве ответа рассуждает о двух типах энтузиазма: существует учитель или профессор — зрелый, очень эрудированный — но у него меньше энергии и энтузиазма, в то время как студент более центробежен, менее сконцентрирован, но более энергичен. Встреча этих двух энтузиазмов и является для Гумбольдта причиной, по которой университет может быть местом инноваций знания. Сегодня, когда вы упоминаете о Гумбольдте, люди говорят: «Да-да, это очень мило, но это не может быть современным университетом».

Я вижу одну тенденцию, которая мне кажется опасной и проблемной (и это не только в гуманитаристике). Я считаю, что есть определенная тенденция (как следствие ожидания, что университет должен предоставлять профессиональное образование) выводить инновацию знания за пределы университета. Например, в Германии, если вы проводите высокклассные исследования, ваши учебные обязанности будут снижены и вас отправят в Институт Макса Планка или в научно-исследовательский институт или то, что называется *Sonderforschungsbereiche*. Чем лучше вы — тем дальше вы от преподавания, и, таким образом, то, что Гумбольдт назвал единством преподавания и исследования, исчезает. Как результат — инновация знаний происходит в научно-исследовательских институтах за пределами университета: инновация в области информатики происходит не в Стэнфорде — это происходит в Google, Apple, Oracle и так далее.

В то же время существует тенденция замены обучения, основанного на присутствии в классе, на онлайн-обучение. Причина в том, что это гораздо дешевле. В Стэнфорде был эксперимент: вы могли получить степень в этом же университете через Интернет; и, хотя это было не бесплатно, вскоре набралось пятьсот тысяч желающих. И университет был вынужден отказаться от этой программы. Университет, как место, где еще возможно «рискованное мышление» и где можно делиться энтузиазмом по поводу чего-либо, постепенно исчезает. Тот факт, что мне относительно хорошо платят по стандартам гуманитарного образования и я имею возможность вести небольшие

классы (пару лет назад я с коллегой преподавал средневековую персидскую поэзию для трех студентов), является скорее исключением, чем правилом. Это происходит в Стэнфорде, это происходит в Йеле, но похоже, что таких мест становится все меньше и меньше. Мы должны признать, что существование гуманитаристики находится под угрозой, потому что тот путь, по которому идет развитие университета, оставляет все меньше места для гуманитарных наук.

«Курс по гуманитаристике не имеет смысла, если он не наивысшего качества. Средненький курс по Шекспиру бесполезен, потому что вы сами можете прочитать Шекспира, он может быть оправдан только тогда, когда его преподают наилучшим образом»

Я как-то сказал, в виде провокации, что курс по гуманитаристике не имеет смысла, если он не наивысшего качества. Средненький курс по Шекспиру бесполезен, потому что вы сами можете прочитать Шекспира, он может быть оправдан только тогда, когда его преподают наилучшим образом. Так что я хочу оспорить аргументацию такого рода: «О, вы получите сначала базовые знания в литературе и философии, и только затем вы сможете перейти на следующий уровень...» Я думаю, так называемые bread-and-butter курсы в гуманитаристике абсолютно бесполезны, и это как раз то, что отчуждает людей от гуманитарных наук.

Учитывая все вышесказанное, мне кажется, что колледж²⁾ может быть очень хорошим местом для гуманитарных наук, потому что именно колледж официально не является пред-профессиональным образованием (хотя студенты все чаще и чаще используют его в этом качестве). Я пытаюсь проповедовать это везде, куда езжу: будущее гуманитарных наук — это не только то, что в немецком языке называется *Fachstudent* — то есть кто-то, кто изучает, например, литературу или историю (это всегда будет существовать, но, возможно, оно должно существовать в меньшем количестве); мы должны настаивать на том, что частью четырех-шести летнего образования в колледже должны быть два или три курса в области гуманитаристики: и не вводные курсы, но хорошие семинары по платоновским диалогам (к примеру) или семинар по Достоевскому в переводах, в котором сможет участвовать любой неглупый студент.

² Колледжем в американской системе образования называется образовательная ин- ституция (чаще всего входящая в состав университета, но также способная быть автономной), предоставляющая обучение на уровне undergraduate (т. е. не выше бакалавра).

Есть ли у меня гарантия, что это будет работать? Нет, но это лучшая возможность, из тех, что я вижу; по моему опыту — особенно последних нескольких лет — такая модель хорошо функционирует. Это не приводит к значительному увеличению поступающих, потому что большинство из них не выберут гуманитарную дисциплину даже как непрофильную специализацию (minor)³, но в таком месте, как Стэнфорд, это не проблема. Проблема в Стэнфорде с гуманитаристикой не в том, что а) у университета нет денег — у них есть деньги на все, и б) не в том, что университет не хочет иметь гуманитарное отделение. Администрация просто не знает, что с ним делать, и я думаю, что они получают много неправильных фидбэков, по типу: «О, а давайте делать цифровую гуманитаристику (digital humanities)».

Швейцарское правительство заказало исследование, чтобы выяснить, какие типы учреждений занимали высшие позиции в последние 20 лет в самых авторитетных рейтингах. Результаты, которые они получили, весьма интересны: практически все эти учреждения — технические университеты, которые имеют небольшое гуманитарное отделение, как, например, MIT (Массачусетский технологический институт). Стэнфорд тоже является чем-то подобным, потому что гуманитарное отделение значительно меньше, чем в Йельском университете, например. Таким образом, Стэнфорд — это технический университет (хотя я рад, что он не называется Технический университет Стэнфорд). Но есть, например, Швейцарский технологический институт в Цюрихе (ETH Eidgenössische Technische Hochschule Zürich). В настоящее время это университет номер один на континенте в любом рейтинге. Или есть Warwick в Англии, или MIT, или Калифорнийский технологический институт. Короче говоря, залог успеха — это не чисто технический университет, но технический университет с небольшим отделением гуманитаристики. Это доказывает, что присутствие гуманитаристики делает интеллектуально продуктивнее даже тех людей, которые не изучают гуманитарные науки в традиционном смысле.

«Гуманитаристика была бы в значительно лучшей форме, если бы число гуманитариев было в половину меньше от их сегодняшнего количества»

³ В американском университете студенты поступают не на «специальность» и могут выбрать специализацию (major) на втором или третьем году обучения. Также у них есть возможность получить двойную специализацию (double major) или специализацию и непрофильную специализацию (major and minor).

О том, почему гуманитаристике лучше оставаться в университете

Гуманитаристика была бы в значительно лучшей форме, если бы число гуманитариев было вполонину меньше от их сегодняшнего количества. Сейчас мы постоянно должны оправдывать вещи не очень высокого качества; есть совершенно абсурдные вещи, сделанные в наших дисциплинах. Когда вы пытаетесь сказать, что семинар по персидской поэзии имеет практическую цель — это всегда ложь. Но такие семинары помогают людям усложнить их понимание мира. Это также дает возможность людям заниматься тем, что им нравится, тем, чем они наслаждаются, тем, что может расширить их горизонт. Почему я считаю, что гуманитаристике лучше оставаться в университете? а) Я думаю, что гуманитарные науки хороши для естественных наук, но и естественные науки хороши для гуманитарных наук и б) это звучит ужасно, но — поскольку в университете образование основано на оценках — это придает дополнительную мотивацию, чтобы выдержать его (*смеется*).

В университете (и я думаю, что эта проблема встречается гораздо чаще в гуманитаристике) людям приходится делать инвестиции в самом начале. Я имею в виду, например, вы читаете стихотворение Гельдерлина — стихотворение, которое чертовски сложное, чтобы понять его сходу. До тех пор, пока вы не ознакомитесь с греческой мифологией и просодией, вы не сможете в нем разобраться и оценить всю его красоту. Для этого нужно время. Но если вы *должны* пройти такой курс и вы можете получить ту или иную оценку за него — это становится мотивацией потратить на это время. Это не означает, конечно, что образование не должно происходить за пределами университета. Я только думаю, что потенциальный эффект в университете будет выше, чем за его пределами.

О политической роли интеллектуалов

Согласно этимологии, слово «критический» означает наличие способности различать. Вот почему мы называем «художественным критиком» не того, кто постоянно говорит, что «искусство — это чушь», но того, кто может отличить хорошее искусство от плохого: музыку или фильм, или что угодно. И я думаю, что, вероятно, начиная с Романтизма (это длительный процесс), социальная роль интеллектуалов (как людей, которые обычно не имеют власти, но, как правило, указывают на то, что происходит в обществе не так), значимость этой

роли сьогодні упала. Я лично считаю, что положительная сторона того, чтобы быть «критическим» — то есть быть позитивным в отношении чего-то и говорить: «Смотри, вот здесь есть момент интенсивности» — была забыта, и это привело (по крайней мере, в гуманистике) к накоплению обиды. Продолжать в этой роли кажется проблематичным: я думаю, что нулевой резонанс никого — на самом деле — не волнует.

Мне кажется, что в призвании интеллектуала, по крайней мере, пропорционально, другое место должно занимать выявление и привлечение внимания к моментам интенсивности, к тому, чем вы можете наслаждаться, или к тому, что приносит в вашу жизнь такие моменты. Допустим, вы идете с друзьями по агоре в Афинах и вы, как интеллектуал, можете рассказывать историю города, но, в то же время, вы можете с большим энтузиазмом описать, что Сократ вел свои диалоги прямо на этом месте: речь идет не об *объяснении* чего-то, а о том, что сам ваш *энтузиазм* может стать заразительным. Я бы никогда не сказал, что это должно быть исключительной задачей интеллектуалов (что мы должны только хвалить), но я заинтересован в возрождении этой функции. Со времен буржуазных революций мы живем так, словно политика — это самое главное, словно политика имеет абсолютный приоритет. Я до сих пор помню, когда мне было двадцать, я сказал на одной из сессий марксистского отделения немецкой студенческой ассоциации: «Разве смысл жизни, в конечном счете, не в индивидуальном счастье?» — «Что?! Буржуй! Как! Разве вы можете не знать, что смысл в политической борьбе — и так далее» (*смеется*). Я хочу сказать, что политика переоценена. Центральность и господство политического больше не является чем-то безусловным.

*Интервью записал и перевел Евгений Галена
25 мая 2015 года*